

КУЛЬТУРА «ВЫПРЯМЛЯЕТ» ДУШУ

ЛАУРЕАТА Государственной премии СССР, композитора Евгения Догу мы попросили порассуждать на тему, вынесенную в заголовок не случайно: он не только «живой классик», но и человек, известный своей гражданской позицией, своей верностью раз избранным принципам.

«Я никогда не любил добрых чужаков. Есть что-то фальшивое в их суетности, мельтешении, радостно-бодром настроении, в их мгновенной готовности найти в жизни что-то вкусное, на потребу удовольствий, какими бы они ни были, — да же, если эти удовольствия какого-то «высшего» порядка — как осознание славы, например. В этом смысле и бы не поверил и тяге людской к счастью. Постоянная тяга к счастью, как к ряду картин сменяющихся радостей, — это химера. Но, если мне писалось, если родилась музыка, я выхожу на улицу и с гордостью, и радостью ловлю взгляды, я рад говорить, и такое чувство, что солнце толкается в стены, что ему тесно, как тесно сердцу в груди.

Мы почему-то до горести мало говорили в последнее время о труде. То есть да, говорили, но излишне громко и обобщенно, не через нравственность человеческую, не через сознание, а через абстрактные символы. Может быть, поэтому произошло чиновничье равнодушие и формализм, и личностное очинение через полезный, вдохновенный труд было затруднено. Не только слово подменило дело, но и дело подменило не то дело.

Теперь о главном? О профанации искусства. Об этом сейчас много и жарко

говорят и спорят в прессе. Заговорили о массовом искусстве, поглощающем пристрастия молодежи. Родион Щедрин сказал о том, что если совсем недавно «комсомольская пресса... печатала беседы о шедеврах музыкальной классики, о симфониях Бетховена, Брамса, о Бахе, то сейчас, к великому сожалению, комсомольская печать ограничивается лишь перечнем хит-парадов и эстрадных исполнителей, очень многих, в том числе западных. Это ли не потеря тех достижений, которые мы имели раньше?!». Щедрин, крупный композитор, говорил с болью, что результаты увлеченностью современными танцами, эстрадой, массовыми праздниками привели незаметно к тому, что мы изрядно запустили эстетическое воспитание молодежи.

Иногда мне кажется, что мы теряем вкус к серьезной, сложной, самозабвенной работе. Продолжая ту же тему потребительского отношения к культуре, скажу, что на наших радио- и телестудиях охотнее записывают вокально-инструментальные ансамбли, чем балеты, симфонии или хоры. Да, ВИА записать куда проще. Это можно сделать и за несколько часов. Балет или иная сложная музыкальная форма требуют большего внимания, времени занимают у оркестрантов куда больше, зависят от слаженности

действий многих и многих людей. Это не злонамеренный умысел и не бюрократизм Ивана Ивановича, это следствие того, что многое мы пустили на самотек, мы передоверились чьему-то вкусу, мы решили, что спрос и предложение всегда будут на одинаковом уровне. Так оно, кстати, и получилось. Снижение одного, как в сообщающихся сосудах, повлекло за собой снижение другого. На радио и ТВ чаще пишет молодежь. Она хочет эстрады. Ее включают, и она слушает эстраду, эстраду, эстраду. Я не против эстрады, нет (и не могу быть против) отдав ей солидную дань, но эстрада — музыкальный добрячок, она, как глассер, едва скользит по волнам большого искусства. Глассер дешевле, чем лайнер и суперлайнер, которым нужны мощные двигатели и которые глубоко рассекают волны. Мы пытаемся пройти океан жизни на глассерах и на байдарках, а его пересекают на лайнерах.

Многие концерты в программах радио- и ТВ — союзных и республиканских — составляются по заявкам слушателей. Тут работники радио- и ТВ обладают огромной воспитательной силой, силой воздействия на умы и настроения миллионов людей. Но отбираются для этих программ вещи, как правило, низкопробные, затертые, дешевые. У нас в

республике на радио выдумали музыкальную форму «Калейдоскоп мелодий», в которой многие произведения — эстрадные, конечно! — вообще звучат «без пятой», подряд, анонимно. Это тоже косвенный признак, что составляются эти калейдоскопы все-таки с чувством потери индивидуальности автора. Но эти «калейдоскопы» говорят и о другом — о чувстве потери индивидуальности... слушателя! Об элементах массовой культуры. Есть разница огромная в понятиях «массовая культура» и «культура для масс». И не надо путать два этих понятия! Если первое рассчитано на невзыскательный вкус и имеет сугубо развлекательные цели, то второе воспитывает, подымлет дух, выпрямляет душу. Но... все задуманные теплые песни о человеке труда мы поем из репертуара двадцатилетней, а то и большей давности! Мы скользим по поверхности...

Это относится и к режисерам, снимающим фильмы на «производственную тематику», и к композиторам, пишущим песни о БАМе, где слово «БАМ» повторяется каждые полтакта, а души у песни нет, и к тем телевизионщикам, которые, когда хотят показать труд, — по-старинке снимают дымящийся паровоз, подающий пар на весь экран.

Устарело! Устарело, и вреден уже такой подход к труду. Паровоз был нужен когда-то, когда вся страна, как ребенок, радовалась каждому своему успеху, и паровоз казался последним достижением. Но мы выросли! Мы духовно созрели для другого, более широкого и глубокого понимания сущности этой главной человеческой деятельности.

Гулом и скрежетом металла сейчас современника не проймешь. Ему нужна духовность. Ему нужно отражение себя в труде. Однако тенденции механического подхода к этой теме сильны и плотно вошли в ряд штампов и общих мест в искусстве. То же — в кино. Я не согласен с режиссером, когда у него на экране появляется паровоз. Я знаю, что он захочет сквозь гудок подать музыку, а потом закрепещут тормоза... Откуда и как вошел этот штамп в наше сознание — уже неважно, другое дело: как лучше от него избавиться поскорее. Что придет ему на смену? Когда мы, наконец, откажемся от циркулярной постановки вопроса всех министерств и ведомств культуры: «нужна песня (музыка, поэма, роман) о труде, о производстве, о заводе? Почему — не о Человеке труда. Не о Труженике? Какой же труд без человека? Откуда появился ужасный термин

«производственная тематика»?

Из-за канцеляризма, заорганизованности, формализма мы никак не можем подступиться к великой стройке, большой созидательной стройке души человеческой. Мы не можем даже измерить такую работу. В чем ее измерять? Не было еще вручения переходящего Красного знамени за сдачу в эксплуатацию готовой здоровой человеческой души. А ведь «сдать» ее в готовом виде — значит, совершить самый главный труд.

А что делаем мы? Упорно работаем над созданием какой-то особенной индустриально-оснащенной культуры для молодых.

Мы упорно над ней работаем. Над ее ритмами, цветом, даже модой. Мы искусственно обедняем интеллект молодых. Не надо выхолащивать такие вечные понятия, как искусство, эстетика, музыка, и придавать им черты карнавала, праздника, «который всегда с тобой».

Я не против диско-музыки, но, если придется решать, что важнее, — восприятие народных истоков, отзывчивость на звук струн народных скрипачей — лау-таров или диско-дансинг, у меня не будет колебаний ни на секунду, как вы понимаете. То же касается и классической музыки, воспитания вкуса, большой программы, которая искусно заменяется сейчас «вопросами досуга». Хотя отдыхать тем, кому 17—22, пока особенно не от чего...

Что ж, мы так озабочены, чтобы молодые люди непременно «отдохнули»? Зачем направляем свои силы не по тому руслу?».